

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П. Марченя,
С. Разин**

Крестьяноведение как россиеведение

(дискуссии круглого стола «Крестьянство
и власть в истории России XX века»)

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Krestyanovedeni.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Крестьяноведение как россияеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века»)

Очередное заседание Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века», прошедшее в Институте социологии РАН, было посвящено междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России.

Ключевые слова: крестьянство, власть, крестьянский вопрос, крестьяноведение, россияеведение.

В рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (URL: <http://www.google.com/profiles/narodivlast>) 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН состоялся Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». Ведущим выступил известный российско-белорусский ученый-крестьяновед, историк и политолог О. Г. Буховец. В работе стола приняли участие 43 ученых из разных городов трех стран — России, Беларуси и Украины. Московский гуманитарный университет представлял А. И. Фурсов, кандидат исторических наук, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма.

Основными направлениями дискуссии были проблемы: «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества; XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность; Русское крестьянство: «могилищик» Империи или ее цивилизационный фундамент; «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.

Участники круглого стола представили разные подходы к исследованию «крестьянского вопроса» как ключевого для осмысления отечественной истории в ее «переломном» пункте — революционных событиях прошлого, остающихся мерой понимания России и в ее настоящем, а возможно, и будущем.

В. П. Булдаков, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заострил внимание на особой роли крестьян в «красной смуте» минувшего века и многообразном присутствии крестьянской ментальности в нашем сегодняшнем дне (несмотря на фактическое отсутствие прежнего крестьянства). По его мнению, именно на переместившемся в «виртуальную» плоскость крестьянстве ныне откровенно паразитируют многие обществоведы — ведь теперь с ним можно экспериментировать как угодно. Возникает опасение, что схожая судьба ожидает наше прошлое в целом. Понять историю невозможно без понимания того, что дорога к «прогрессу» вымощена костями людей, далеких от ясного осознания ее необходимости.

Российские городские «верхи» и деревенские традиционалистские «низы» пребывали в разных культурных измерениях. Однозначно оценивать взаимоотношения крестьянства

и власти нельзя — они везде и всегда складывались сложно. Крестьянство старается жить по своим законам, а у власти свои сугубо конкретные проблемы. Она должна себя обеспечить. Крестьянство хорошо знает повадки власти. Политику и веру оно оценивает сугубо прагматично. Вот это нам подойдет — хорошо, а вот это нам не подходит — долой, ату его. А. С. Пушкин несправедливо определил крестьянский бунт как «бессмысленный и беспощадный». Бунт — это природный язык крестьянства и единственный способ его взаимоотношения с властью, минуя бюрократию. По большому счету, существуют лишь два субъекта исторического бытия: необъятное (при мнимой хронотопной стратифицированности) информационное пространство, соединяющее человеческое с метаисторическим, и «слепая» социетальная энергетика, заставляющая людей отчаянно и безнадежно — надеясь на Бога и пользуясь услугами дьявола — воевать друг с другом. Трагедия «человека бунтующего» в том, что ему не дано соизмерить свои страсти и вождения ни с императивами большого исторического времени, ни с собственными наличными возможностями.

Из множества мифов о российском крестьянстве наибольшей издевкой над реалиями, по мнению Булдакова, смотрится миф об особом коллективизме россиянина как «природного общинника». Предреволюционный общинник превратился в яростного антиколлективиста: община задыхалась от навязанных ей государственно-фискальных функций, с другой стороны, была перенасыщена «мироедским» насилием. Официально-лубочный общинник — «коллективист» в той мере, в какой готов использовать общину для сопротивления государственности и прочим напастям. Нормальный коллективизм возможен в обществе, но не в общине. Поэтому россиянин всегда склонен бунтовать против «мироедов», чиновников и даже государства — увы, во имя воображаемой власти. В поисках несбыточного идеала (для крестьянина государство — сакральная величина, потеснившая Бога) он готов отвергнуть все несовершенное. Поэтому сегодня сверху навязчиво внушается мысль о коллективной готовности россиян терпеть любую власть.

В последние годы в историографии ведутся дискуссии о применении принципов синергетики в исторических исследованиях. Изучение поведения крестьян в «красной смуте» могло бы расставить все точки над *i*. Характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы. Теория возникновения «порядка из хаоса» предполагает наличие внутри последнего аттракторов, притягивающих распыленную социальную массу. Роль таких аттракторов сыграли большевистские вожаки, больше напоминающие предводителей казацкой вольницы, нежели политических лидеров. С их помощью происходит восстановление отношений власти-подчинения, разорванных в точке бифуркации. «Секрет» утверждения сталинской деспотии следует искать не в тех или иных диктаторских качествах «вождя», а в возникновении между ним и бунтующей, но «косной» массой временных коммуникативных связей и связей архаичного (дополитического) типа. На их основе возникает подобие коммуникативного разума, который избавляется от избыточной пассионарности в лице всевозможных диссипативных элементов. Все это и обеспечивает генетическую преемственность между докризисным и посткризисным состоянием системы. Этот фактор действует до сих пор.

В годы «красной смуты» общецивилизационная проблема взаимоотношений города и деревни превратилась в социокультурное противостояние, выливающееся в акты настоящих походов друг против друга. Итог неоднозначен: сталинская коллективизация привела к тому, что деревенская психоментальность затопила города. Всякая российская смута характерна снижением общецивилизационных стереотипов до деревенского уровня. Наша современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. В крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений внутри общины и вне ее. Так стоит ли удивляться, что весь XX в. в истории России оказался пронизан насилием? Мы зависимы от крестьянской психоментальности даже в сфере массовой культуры. Какая-нибудь гламур-

ная «звезда», «фанерным» голосом сообщая о любовных страданиях современности, не подозревает, что невольно копирует повадки деревенской девки. Вся нынешняя сексуальная раскованность воспроизводит коллизии сеновального распутства. Разница лишь в том, что в свое время подобное непотребство прикрывалось фиговым листком деревенского ханжества.

Проблематика крестьянства связана не только с осмыслением места традиционализма в современной жизни. Крестьянин — это не просто кормилец любой цивилизации, но и протозтнос, и культурная матрица, и своего рода напоминание о будущем. У нас на глазах мир превращается в «большую деревню». Глобальная транспарентность делает человека зависимым от «косного» большинства; миром, похоже, будет управлять не мировой разум, а коммуникативная беспомощность людской массы, лишившейся естественной среды обитания. Нынешнее постмодернистское поветрие может стать возвратом в предмодернистское прошлое. И в этом не будет ничего удивительного: прошлое по-прежнему мстит за забвение своих уроков...

По мнению доктора исторических наук, профессора Московского университета МВД России А. В. Чертищева, сегодня превалирует нечто вроде смиренного умиления в подходе к крестьянству: оно считается идентифицирующей величиной России, ее духовным субстратом. Однако если в XIX в. интеллигенция идеализировала деревню, экстраполируя лучшие образцы поведения и хозяйственной сметки на все крестьянство, а самодержавие и консервативные силы видели в нем носителя истинной «русскости» и оплот нерушимости Империи, то события XX в. развеяли это глубочайшее заблуждение. Критический анализ архетипических черт российского крестьянства не дает объективных оснований для выводов о его конструктивной роли в судьбе отечественной государственности. Можно усомниться даже в наличии любви наших крестьян к земле: никаких свидетельств того, что русский крестьянин действительно любил землю, не существует — это чувство можно отыскать лишь в воображении дворян-романтиков, при-

езжавших летом в свои имения. При этом крестьяне не терпели никакого несогласия с волей большинства, а любые инновации рассматривали как недопустимые попытки враждебного вмешательства в их жизнь. Не имели они и чувства принадлежности к более широкому сообществу — следует говорить об их изолированности от политической, экономической и культурной жизни страны и отсутствии патриотизма. Кроме того, крестьяне крайне негативно и с презрением относились ко всем, кто не занимался ручным трудом. По отношению к этим сословиям они были свирепы, непримиримы, злопамятны и всегда готовы переписать межсоциальные отношения.

В религиозной жизни крестьянин проявлял много внешней набожности, но едва ли понимал духовный смысл религии как образа жизни. Крестьянское сознание было синкретическим, с размытостью граней между реальным, воображаемым и символическим. В какой-то степени его можно назвать «первобытным», характерной чертой которого является неумение мыслить абстрактно, в силу чего ему недоступны понятия «государство», «общество», «нация», «экономика», «собственность» и т. д. Даже бунты были направлены на конкретные объекты, а не на «строй» в целом. Сам крестьянин обладал слабо развитым понятием собственной личности, коллектив был выше своих индивидуальных членов. Следует иметь в виду и раздвоенность крестьянского сознания. Когда ему не хотелось что-то делать, он разыгрывал дурака, а будучи разоблаченным, искренне раскаивался. В крестьянских пословицах отсутствуют мудрость и сострадание и проступают грубый цинизм и отсутствие общественного чувства: заботься о себе и не думай о ближнем («чужие слезы — вода»). Невысокого мнения крестьянин был и о правде («правдой сыт не будешь», «правдивый, как дурак, тоже вреден»).

Логика крестьянской «политической философии» была идеально проста: любая власть по самой природе крестьянину чужда и враждебна, но это данность, которую приходилось переносить как болезнь, старость, смерть. Он как бы балансировал между двумя состояниями — вольноанархической самореализации

при безвластии и подчинением власти, имеющей сакральный статус. Идеалом для «человека земли» была Россия как море локальных «миров», не обремененных внешней обязывающей силой. В поисках такого несбыточного идеала воображаемой власти он был готов отвергнуть все несовершенное. Крестьянин мало подходил для какого-либо политического строя, кроме авторитарного, и его политическая культура плохо сочеталась с экспериментами по демократизации, будучи нацелена на обеспечение выживания, а не на создание условий для развития. Для крестьянина характерно крайнее невежество и вместе с тем фундаментальное презрение к культуре, особенно «высокой культуре».

Таким образом, по выводам Чертищева, присущие крестьянам парохильность, себялюбие, глубокое онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично их и среды их обитания, невежество, неготовность и нетерпимость к более сложным формам общественного устройства, инакомыслию, инновациям и прогрессу в целом — все это не дает оснований считать крестьянство цивилизационным фундаментом России. Более того, крестьянство следует считать могильщиком Российской империи, ибо ни в один период русской истории оно не выступало оплотом стабильности страны, заключая в себе взрывной потенциал анархизма невиданной силы. Сначала он привел к оттяжке реформ, затем под его воздействием они были проведены чересчур осторожно, и, наконец, выйдя на поверхность, он произвел хаос, приведший к падению недостаточно реформированного государства...

Доктор философских наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история» А. Н. Медушевский акцентировал внимание участников круглого стола на корневой составляющей «крестьянского вопроса» в России и одной из самых «больных тем» отечественного крестьяноведения в целом — так называемом аграрном вопросе. Под ним он предложил понимать теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации. Аграрный конфликт он интерпретировал как

проблему легитимности прав собственности на землю, нерешенность которой в России начала XX в. и стала основой традиционно мотивированного крестьянского протеста, в свою очередь обусловившего срыв России с мирного эволюционно-реформаторского пути в кровавую революцию. Для понимания причин и результатов последней (как и вообще революций и реформ в российском переходном обществе) необходимо учитывать не только социально-экономические, но правовые и когнитивные аспекты незавершенности аграрной модернизации России, начатой Великими реформами 1861 г. и получившей развитие в так и не доведенной до конца столыпинской реформе.

Интерпретация аграрного вопроса как осознания обществом легитимности прав на землю (там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов, аграрный вопрос существует; там, где такое осознание отсутствует в массовом сознании, его нет — даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности) помогает объяснить важные противоречия, с которыми столкнулась предшествующая историография: почему аграрный вопрос не возник в древности, но проявился в Новое время? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе исторического развития отвергается, казалось бы, навсегда, на другом вновь становится востребованной и находит практическую реализацию? Почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах при сходстве их аграрных институтов или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? Наконец, почему одни страны были ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ?

Для предшествующей историографии вопрос о причинах русской революции был очевиден — они сводились к нерешенности аграрного вопроса, ограниченности реформаторского потенциала бюрократии, связанной с этим экономической деградации общества и социальной (классовой) поляризации. Схе-

матично данная концепция выражалась в следующих тезисах: реформа 1861 г. породила аграрный вопрос, он — революцию 1905–1907 гг., которая стала репетицией революции 1917 г. Однако вывод о преопределенности срыва той модели модернизации, которая была создана реформой 1861 г. и последующими либеральными преобразованиями, — нуждается в дополнительной проверке и критическом анализе (особенно с учетом его идеологического подтекста — представления о неизбежности и закономерности большевистской революции). В настоящее время наметился отход от этой жесткой позиции, однако поиск новых подходов ведется, как правило, с использованием привычных категорий политэкономии и классовой теории. Даже последовательные противники традиционных подходов полемизируют с ними в основном с позиций экономического детерминизма. Однако проблема аграрного вопроса шире его экономической составляющей и включает серьезный социально-психологический компонент. Радикальное сомнение в легитимности традиционных форм земельной собственности практически неизбежно возникает при переходе от аграрного общества (с его уравнительными ценностями) к индустриальному (с господствующими ценностями утилитаризма, экономической эффективности и индивидуализма). Так возникает фундаментальное противоречие представлений основной массы населения о справедливости и позитивного права, фиксирующего новые формы частноправовых экономических отношений. Конфликт традиционалистской легитимности и позитивного права может обернуться предпочтением первой (что и составило основу коммунистической утопии). Однако из ситуации подобного правового дуализма возможен и другой выход (по линии проведения таких аграрных реформ, которые ставят целью полноценную правовую модернизацию традиционного общества, сохраняя внимание к исторически сформировавшимся представлениям о справедливости). Именно такое направление исследований, по мнению Медушевского, должно стать центральным в российском крестьяноведении.

Здесь представлена лишь очень малая часть из прозвучавших на круглом столе мнений. Основная тема дискуссии остается исключительно актуальной для понимания современной России и ее истории. Напомним, что круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» стал вторым международным мероприятием проекта «Народ и власть...», преемственно продолжив развитие дискуссий, начатых 23 октября 2009 г. на имевшем известный резонанс в научном сообществе круглом столе «Народ и власть в российской смуте» (Булдаков, Марченя, Разин, 2010; Народ и власть..., 2010).

Если первый стол был посвящен проблеме взаимодействия власти и народа в ситуациях «смут» как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества, то второй — конкретизировал эту тему, сосредоточившись на взаимодействии крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом веке. «Крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема российского общества, в которой сосредоточены базовые конфликты российской истории. Организаторы состоявшегося обсуждения исходили из того, что «крестьянский вопрос» неслучайно занимает место «вопроса вопросов» в отечественном историческом дискурсе. В нем сплелись в Gordiev узел интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенности к покорному смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушены. Крестьянство не может быть понято как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. В социальных конфликтах и в Российской, и в Советской империи крестьянская ментальность всегда играла колоссальную роль, в отличие от крайне ограниченных возможностей элитарного воздействия на настроения и поведение крестьянских масс извне. Крестьянство в российской истории оп-

ределяло ее важнейшие особенности в целом и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты на крестьянство. И от ответа на вопрос: «Какие они, русские крестьяне?» — зависит ответ на вопрос: «Что такое Россия?»

П. П. МАРЧЕНЯ, С. Ю. РАЗИН

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булдаков, В. П., Марченя, П. П., Разин, С. Ю. (2010) Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // *Власть*. № 4. С. 14–17; № 5. С. 10–14; № 6. С. 13–17; № 7. С. 9–14; № 8. С. 9–13; № 9. С. 16–21.

Народ и власть в российской смуте (2010) : сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : Изд-во ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина.

*PEASANT STUDIES AS RUSSIAN STUDIES
(DEBATES AT THE INTERNATIONAL
ROUNDTABLE DISCUSSION «PEASANTRY AND
POWER IN THE HISTORY OF 20TH CENTURY
RUSSIA»)*

A regular session of the International Roundtable Discussion «Peasantry and Power in the History of

20th Century Russia» took place at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. It was devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction between the peasantry and the authorities as the most significant agents for the historical development of Russia. «The Peasant question» was considered as a fundamental problem of the Russian studies, in which the main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: peasantry, power, the peasant question, peasant studies, Russian studies.

P. P. MARCHENIA, S. YU. RAZIN

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Buldakov, V. P., Marchenia, P. P., Razin, S. Yu. (2010) Mezhdunarodnyi kruglyi stol «Narod i vlast' v rossiiskoi smute» // *Vlast'*. № 4. S. 14–17; № 5. S. 10–14; № 6. S. 13–17; № 7. S. 9–14; № 8. S. 9–13; № 9. S. 16–21.

Narod i vlast' v rossiiskoi smute (2010) : sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunar. kruglogo stola «Narod i vlast' v rossiiskoi smute» (Zhurnal «Vlast'», Institut sotsiologii RAN, Moskva, 23 oktiabria 2009 g.) / pod red. P. P. Marchenia, S. Yu. Razina. M. : Izd-vo VVA im. prof. N. E. Zhukovskogo i Yu. A. Gagarina.